

Валерий Фёдоров: «В общем, здравствуй, Будущее!»

Наш разговор с Валерием Фёдоровым, политологом и социологом, генеральным директором Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) состоялся в преддверии ФутуРУтона – первого мероприятия нового «Клуба 31 июня», который будет конструировать будущее «русских» цивилизаций, точнее версий нашей родной цивилизации от 2050-го года и далее.

Валерий к разговору был готов ещё и потому, что отвечает в предстоящем Симпозиуме «Создавая Будущее» Национального центра «РОССИЯ» за направление «Общество». Так что его рассуждения – отклик на явный запрос общества, власти и бизнеса, и не только российских, на Образ Будущего России.

Это интервью запускает серию моих диалогов с участниками ФутуРУтона-2025 (<https://ast-academy.ru/events/futuruton-31-iuna-2025g/>).

Сокращения: С.Ж. – Сергей Журавлев; В.Ф. – Валерий Фёдоров

В.Ф. Подойдем к теме будущего как истории. СССР — был страной, устремленной в будущее. Она оправдывала свой социальный строй и те усилия, которые нужно предпринимать народу, те жертвы, которые ему нужно было приносить, тем, что этого требует светлое будущее. Поднапряжемся — и будущее будет за нами! Коммунизм — это будущее всего мира. И это работало очень эффективно, пока не перестало работать...

Произошло это примерно в 1970-х годах, когда мы поняли, что вместо того, чтобы ускорять свое движение в будущее, мы, наоборот, стали тормозить. Те же страны, которые мы считали реакционными, отстающими, наоборот, ушли вперед. Речь о Западе. На деле участники гонки за будущее поменялись, мы оказались в хвосте, в догоняющей позиции — но признать это не решились, и официальная риторика осталась прежней, хотя всем было очевидно, что реальность она уже не отражает. Итог — громадное разочарование в советском будущем, а за тем — и в прошлом, в собственном пути, в коммунистической идеологии. Если раньше она тянула вперед, то теперь стала тащить назад, в бедность, скучность, серость...

Так наш образ будущего исчез. Общественный идеал из будущего переместился в настоящее, только не наше, а западное. А значит, нашей задачей стало не искать собственный путь, а просто копировать то, что делают на Западе. Как сказал Горбачев, мы решили вернуться на столбовую дорогу цивилизации. После чего советская футурология исчезла, а фантастика из будущего обратилась в прошлое. Условно, «Туманность Андromеды» была забыта, вместо неё писком моды стали приключения «попаданцев», пытающихся помочь России не свернуть в какой-то момент её прошлого «не туда», в исторический тупик. И наоборот, попытки заглядывать в будущее, отличное от западного настоящего, стали восприниматься обществом как ретроградство, реакционность, местечковость.

На рубеже 2000-х годов произошло разочарование в западном пути, точнее, в результатах рецепции западных моделей на нашей почве. Но это не привело к возрождению интереса к будущему, наоборот, усилился страх по отношению к будущему. Почему? Людям стало понятно: так, как на Западе, у нас по разным причинам не получается. Но создавать что-то собственное, новое, мы боимся, потому что уже натворили, заплатили за это высокую цену, и лучше не надо. В общем, давайте жить, как живется. Удерживать то, что имеем, и грустить по России, которую мы потеряли.

Некоторое распространение получил термин «катехон». По мысли тех, кто его ввел в современный язык, Россия должна удерживать мир от падения в Геенну. Но на самом-то деле это мы себя пытались удержать от падения в тартарары! На любые разговоры о будущем было наложено табу, мы стали довольствоваться тем немногим, что удалось сохранить от разрушения и распада. Так разговоры про будущее окончательно прекратились, осталось только настоящее, в котором особо ценились дефицитные элементы великого, но утраченного прошлого – отчасти советского, отчасти царского.

Так продолжалось довольно долго, пока наконец наше настоящее не стало страшнее будущего. Вот здесь мы находимся последние семь лет. Все началось, по моей оценке, в середине 2018 года, когда пенсионная реформа всем показала, что наше будущее – это не отдых после тяжелого труда, а бесконечный труд без надежды на отдых. Затем – пандемия и СВО, такие «карьи небесные», каждая последующая – хуже предыдущей. Хотя в моменте кажется, что хуже ничего быть не может, но затем оказывается, что может!

С.Ж. Выпадая из будущего вроде вот стукаемся о дно и пробиваем, пробиваем. Это не настоящее, а скорее всего, прошлое.

В.Ф. Но именно во времена СВО, мне кажется, мы «оттолкнулись от дна». Потому что шок 2022-го года был очень сильным, но теперь он уже прошел, остались только какие-то автошоки, но уже несравнимые по эффекту.

И сейчас возникла и возможность, и необходимость, и общественный запрос, и, я бы сказал, даже силы некоторые сформировались, которые заинтересованы в том, чтобы снова открыть нам будущее. Окончательно стало понятно, что у нас не может быть такого же будущего, как у Штатов, у Западной Европы и так далее. Мы сделали свой выбор, нам с ними не по пути, мы теперь своим умом живем, копировать их нам нельзя, да и невозможно. Более того, окончательно стало понятно, что они идут не туда. И мы точно уже не хотим идти за ними в этом направлении! Это все не наше.

А настоящее уже более или менее понятно, но – опасно и трудно, зыбко, рискованно, сверхизменчиво. Нормальная жизнь, как теперь многим представляется, возможна только в какой-то другой эпохе, в другом времени. Только там возможна реализация долгих траекторий, планов. В общем, здравствуй, Будущее! Оно вновь у нас появилось – не как цельный образ, а как возможность, опция, и опция весьма интересная.

Когда оно наступит – после окончания СВО? Маловероятно, скорее всего, там начнется какая-то следующая заруба, уже практически никто не верит, что есть шанс вернуться к состоянию *status quo ante bellum*. Будет что-то другое...

Но нам и нужно что-то другое! Но что конкретно? Вот здесь пока – вакуум. Будущее мы сейчас определяем апофатически: это что-то, противоположное настоящему. Но, по крайней мере, само место будущего возникло. Идея того, что не нужно никаких придумок, а нужно просто копировать у других, превратилась в маргинальную. То есть меньшинство либерально-западническое продолжает существовать, и оно, вероятно, всегда будет существовать.

С.Ж. Это, наверное, нормально?

В.Ф. Я бы сказал так, это наша норма на протяжении последних трехсот лет, с тех пор как мы начали «догонять» Запад, ушедший вперед по сравнению с нами. Это наша норма, потому что мы живем рядом с ними. Они не такие, как мы, и некоторой части нас хочется стать такими, как они. Или просто пользоваться всеми плодами их труда, оставаясь такими, как мы.

С.Ж. Переписку Грозного достаточно вспомнить.

В.Ф. Но в любом случае сейчас это маргинальная часть общества. Ещё небольшая группа есть adeptov китайского пути. Но она и в перестройку была, как известно. И в 90-е годы КПРФ показывало на Пекин, вот давайте как они. Но все-таки чувствуется большая дистанция цивилизационная.

Поэтому нужно что-то свое. А что? А никто не знает. А мечтать разучились. А технологий нет. А каких-то сильных идей от интеллектуалов, политиков, идеологов про будущее мы особо не слышим. А даже если они появляются, то мы их как-то не распознаем в общем шуме.

Так что сейчас место для будущего возникло, и оно должно быть заполнено. Но пока оно вакантно.

С.Ж. Ты не обратил внимания, что этот запрос к будущему, причем не только в обществе, он пока еще скорее в атмосфере, в ощущениях и на кухнях, про после войны, а в кругах более думающих или коммуницирующих, наверное так точнее. В прошлом году как-то вдруг резко стал проявляться. Какая-то причина в прошлом году была для этого или нет? Почему так? Почему до этого все от этого отбрехивались и смотрели на футурологов как на неких чудиков?

Можно, как Андрей Силинг, говорить, что в прошлое надо смотреть по-настоящему. Вот какое оно было, а не такое, какое оно нам преподнесено. Вот 24-й год уже прошёл. И какое оно настоящее? Почему оно вдруг сформировало эту дискуссию, эту потребность, обсуждение будущего в разных средах?

Правда, у меня есть тоже тезис на подумать, может быть, не на сейчас. Тезис, что фантастика как жанр умирает. Потому что она, как один из фантастов на одном из

мероприятий сказал, что современная фантастика может порождать только антиутопию. Только антиутопию. Никаких утопий, никакого оптимизма она не должна производить. Но это же тоже следствие того, что образа будущего, образа оптимизма, вообще образа конструирования внутри головы у фантастов не осталось. Есть какие-то рефлексы на происходящее. И каждый из этих рефлексов вызывает некоторую попытку объяснить его рисками, а не желаниями. Это так, ремарочка.

Но есть фантаст, Кирилл Утолин, он заполнил анкету и рассматривает участие у нас. Он в ответ на запрос «А что будет?» или «Как бы вы себя увидели в 50-м году?» ответил, что этого делать вообще нельзя. Мы мол сейчас в точке бифуркации, и любое наше действие по поводу будущего, как бабочка, может вызвать крайне негативные и нежелательные изменения.

Я несколько оторопел от этого. И очень хочу, чтобы он к нам присоединился. Чтобы порубиться и понять, а что мы каждый день такого совершаляем, чтобы будущее подстраивалось? Хотим мы будущее или не хотим, каждое наше действие его ломает. Задорин в своем интервью тоже спрашивает, а кто субъект? Есть ли у нас будущее, которое мы рассматриваем как естественный процесс, а на самом деле сконструированное? С провокативными действиями конкретных людей. Это вот тоже к вопросу о нашей дискуссии.

Осталось 15 минут для того, чтобы ты попробовал сформулировать задачу, задачки, которые актуально проработать на ФутуРУтоне.

В.Ф. Пока в наших рассуждениях о будущем мало самого главного: мало будущего. Мы должны эту тему всячески будировать, вовлекать, расширять, и для этого нужна наживка. Если мы хотим поймать большую рыбу, сейчас надо потратиться на червячков. И мне кажется, что эта наживка должна быть содержательной. Мы должны предложить обществу несколько образов, как утопических, так и антиутопических.

С.Ж. А может быть фантазийных, даже не фантастических. Между фэнтези и фантастикой. А то у нас есть несколько участников, которые в язычество, в ту историю, в ту практику подглядывают.

В.Ф. Кстати, я прочитал тут книжку Киссинджера и сотоварищи про искусственный интеллект. О том, как он будет нас терроризировать в ближайшие годы. И я подумал, что, в принципе, можно наши несколько общенациональных ИИ, если они вдруг возникнут, назвать соответствующим образом. Например, Перун или Велес.

С.Ж. Вера в этот общий или сильный искусственный интеллект, она прямо культу напоминает.

В.Ф. Да, абсолютно. Ну явно же, религии-то мировые в кризисе. Поэтому, конечно, возникнет в ближайшее время secta поклонников ИИ. Думаю, точно, почему бы и не у нас?

Итак, что же мы должны сделать? Несколько образов сформулировать. Привлекательных и непривлекательных. С тем, чтобы затем их начать вбрасывать в общественное пространство. Потому что если новый образ не появляется, то будущее питается инерцией. Так сейчас и происходит. Мы полтора года назад исследование проводили про актуальные образы будущего. Выяснилось, что таких образов у нас пять, и все они - из прошлого либо в крайнем случае из настоящего. Коротко перечислю:

1. Это **комфортная Россия**. Велодорожки, зеленые насаждения, все бесшовно, роботы-курьеры Яндекса бегают.
2. **Великая Россия**. Это вечное СВО, ну или серия СВО, а между ними некоторые короткие паузы.
3. **Демократическая Россия**. Толерантность сплошная, радуга ЛГБТ стоит над Москвой, разделение властей, тотальные честные выборы и т.д.
4. **Социальная Россия**. Это такая розово-КПРФовская история, даже, может быть, больше эсеровская. Мы всех любим, всем помогаем, всем даем денег. Непонятно, правда, откуда они берутся.
5. **Техноутопия**. Илон Маск, Tesla, Neyrolink и так далее. Это утопия не автохтонная, а мейнстримовая.

С.Ж. У них один недостаток, мне кажется. Кроме последнего, технократического. Мы, что называется, ими уже сильно заузаны. Они очень скучны. Они, по-моему, не мотивирующие.

В.Ф. Да. Это будущее, которое не хочется строить, которое возникнет само по себе. Якобы. Впрочем, технократическое тоже само возникнет. По мнению людей.

С.Ж. Но есть надежда, что раз мы им не нужны, технологиям, то мы вернёмся в лоно природы, будем жить среди деревьев.

В.Ф. Кстати, экоутопии нет.

С.Ж. Да, вот её как раз не хватает, хотя в мире, как я понимаю, в западном мире её пытаются так ли, иначе ли верстать с этой зелёной повесткой. Но плохо получается почему-то. Как не навязывают, она почему-то не прирастает, не приживается.

В.Ф. И вот ещё момент: в этих образах нет ничего специфически российского. Нам хорошо бы создать образы, которые нас бы выделяли, так сказать, лица необщим выражением. И с этой точки зрения вот эта муть про славянскую фэнтези, как ни странно, интересна. Потому что она обращается к каким-то таким вещам. Но почему обязательно к славянскому язычеству обращаться? Есть еще евразийство. То есть мы не Китай, и не Иран, и не Европа... Либо Арктическая история, эстетика Великого Севера.

С.Ж. Гиперборея новая.

В.Ф. Да. Мы должны создать образы будущего привлекательные, либо не очень, хотя бы для кого-то привлекательные, но такие автохтонные, я бы так сказал. С ярко выраженной русской спецификой.

С.Ж. На родных корнях, да?

В.Ф. Да, а дальше их можно было бы уже как-то детализировать, популяризировать, сталкивать между собою, создавать какую-то драму. Должно быть столкновение этих образов будущего, конкуренция, движуха.

Ну и познакомимся, конечно, нетворкинг, то есть поймём, кто как. Ведь через какое-то время станет вопрос, кого мы возьмем в светлое будущее? В светлое будущее мы возьмем не всех. То есть появится дифференциация какая-то. И надо понять, кто с кем? Это для меня тоже важный, может быть, не для мероприятия, а для меня такой важный момент.

С.Ж. То есть, грубо говоря, надо понимать, с кем мы идём и за что боремся?

В.Ф. И хорошо и плохо, что будущее есть практически у всего. Вот как с экологией. В экологию, есть коммунисты, условно говоря, а есть фашисты. Ну вот нам с кем по пути? Нам по пути с экофашистами? А кому-то, наверное, по пути, а кому-то нет. Вот мне, например, нет.

Будущее сейчас всех затягивает. И должна через какое-то время произойти дифференциация. С кем мы, а с кем мы точно на одном поле не сядем. Сейчас это такая мутная взвесь, ну как в перестройку было. Все за перестройку! Но по мере развития выяснилось, что перестройщики готовы друг друга перестрелять. Потому что у всех совершенно разные представления о прекрасном. Объединяет их только ненависть к СССР. К старой власти, а потом они, как во всех революциях, пожирают друг друга.